

УДК 37.01

ГЕНЕЗИС «ЛЕНИНСКОГО МИФА» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ

Цель статьи: реконструирова процесс возникновения ленинского мифа, определить те функции, которые он выполнял в советском воспитании. **Методология исследования:** концепции, рассматривающие сущность мифа как культурного феномена, его взаимосвязь с ритуалом и игрой; социокультурный подход к анализу прошлого образования.

Результаты исследования: ленинский миф предъявлял субъектам воспитания персонифицированный нравственный идеал и социально одобряемую жизненную стратегию (борьба за счастье трудящихся), придавал «идеологически верным» мотивам жизнедеятельности (революция, социальная справедливость и др.) статус абсолютных. Этот миф выполнял в воспитании функции: конструирования в сознании подрастающих поколений «идеальной» социальной системы; культурной идентификации детей и молодежи (через оппозицию «свои — чужие», читаемую как «ленинцы» и «антиленинцы»); социально-мобилизационную (генерирования и направления усилий воспитанников на достижение целей социальной системы). Ленинский миф создавался иерархами правящего режима в интересах идеологического и кадрового обеспечения реализации «генеральной линии партии». Он конструировался ими не только на основе собственных воспоминаний, «корректируемых» прагматическими политико-идеологическими соображениями, но и с опорой на народное мифологическое сознание. В последнем содержалась вера в особую харизму человека власти — лидера,

С. Г. Новиков

Доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград
E-mail: novsergen@yandex.ru

Sergey G. Novikov
Dr. Sc. (Education), PhD (History), Associate Professor, Professor at the Chair Pedagogy, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Как цитировать статью: Новиков С. Г. Генезис «ленинского мифа» в отечественном воспитании // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1, № 1 (65). С. 151–164.

который, выступая как отец для своей общности, задает ей систему жизненных ориентиров, является источником силы и нравственным образцом. Хронологические рамки генезиса ленинского мифа определяются двумя важными политическими событиями: кончиной основателя партии-государства и утверждением у власти нового безусловного вождя (И. В. Сталина), приобретавшего ранг единственного истинного наследника и продолжателя дела героя мифа.

Ключевые слова: миф, идеал, воспитание, качества личности, ритуал, традиционная культура, культура модернити.

Введение

На протяжении многих десятилетий минувшего столетия отечественная государственно-общественная система образования предлагала своим субъектам в качестве идеальной личности образ В. И. Ленина. На примере «самого человеческого человека» воспитывались поколения советских людей, одержавшие победу в Великой Отечественной войне, первенствовавшие в освоении космоса, сделавшие свою страну одной из сверхдержав позднеиндустриального мира. Имя Ленина сопровождало их от рождения до преклонного возраста. В образовательных структурах, детских и юношеских общественно-политических организациях проводились «Ленинские уроки» и «Ленинские зачеты», произносились тожественные клятвы «жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин». На предприятиях и в учреждениях наши соотечественники участвовали в «Ленинских субботниках», «Ленинских трудовых вахтах» и пр. Такая практика была следствием существования в стране однопартийной политической системы, задававшей обществу вектор развития и определявшей ценностно-идеологические ориентиры института образования. По сути, в стране сложился ленинский миф, игравший важную роль в целенаправленной социализации подрастающих поколений.

Для советских воспитателей Ленин оставался непререкаемым авторитетом (по крайней мере, на бумаге) вплоть до второй половины 80-х гг. XX в., когда принудительному единомыслию был положен конец. Эмоциональной реакцией на длительную индоктринацию явилась волна антиленинских публикаций, прокатившаяся по страницам печати и «изобличавшая» вождя большевизма во множестве проступков и преступлений. Эти тексты были столь же пристрастны, что и недавние восхваления основателя советского государства. В результате идеологизации и политизации историко-педагогического сюжета двуединый вопрос о том, *почему* появился такой

феномен, как «воспитание на примере жизнедеятельности В. И. Ленина», и *какую* роль он сыграл в формировании новых поколений советских людей, отошел на периферию внимания отечественных педагогов. Судя по всему, и сегодня педагогам-ученым и педагогам-практикам по-прежнему трудно смотреть на фигуру В. И. Ленина (как и на «воспитание молодежи в ленинском духе») отстраненно, абстрагировавшись от «политического бэкграунда» вождя большевизма.

Полагаем, что настало время деидеологизировать названный историко-педагогический сюжет и вернуть его в пространство обсуждения (как коллег, так и всех, кто интересуется прошлым отечественного образования). В конце концов, понимание минувшего, как известно, помогает лучше понять сегодняшний день и заглянуть в будущее.

Цель статьи

Руководствуясь данным мотивом, реконструируем процесс зарождения ленинского мифа и установим те функции, которые он выполнял в советском воспитании.

Методология исследования

Для достижения цели исследования прибегнем к конфигурированию концепций и теорий, сложившихся в разных социально-гуманитарных науках (истории образования, культурной антропологии, социальной философии и психологии). Во-первых, обратимся к возможностям концепций, рассматривающих сущность мифа как культурного феномена, его взаимосвязь с ритуалом и игрой (Р. Барт, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, А. Ф. Лосев, Э. Кассирер, Б. Малиновский, Е. М. Мелетинский, А. Р. Рэдклифф-Браун, Е. В. Савелова, Й. Хейзинга, К. Г. Юнг). Во-вторых, — к такому инструменту «препарирования» историко-педагогического материала, как социокультурный подход к анализу прошлого образования (В. Г. Безрогов, М. В. Богуславский, Г. Б. Корнетов, С. В. Куликова, М. А. Лукацкий, С. Г. Новиков). Данная трансдисциплинарная методология избавляет нас от односторонности, соблазнов редукционизма, позволяет обнаружить у изучаемого феномена новые грани.

Результаты исследования

Ее применение побудило нас выстроить свою исследовательскую стратегию с опорой на следующие констатации. Первое. Миф «не есть вы-

думка или фикция, не есть фантастический вымысел», поскольку с точки зрения носителей мифологического сознания он выступает как «наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность» [10, с. 8]. Второе. В мифе присутствует некое высшее начало, отстраненное «от обычного хода явлений» [10, с. 36], позволяющее ему придавать «исторически обусловленным интенциям статус природных», возводить «*исторически преходящие факты* в ранг *вечных*» (курсив наш. — С. Н.) [1, с. 111]. Третье. Миф, подобно образованию, способствует воспроизводству культуры, трансляции социокультурного опыта. Он, выражаясь словами М. К. Мамардашвили, является «машиной культуры», способом «конструирования человека из природного, биологического материала» [13, с. 45–47]. Четвертое. Миф, таким образом, выступает одновременно и реальным, и священным, что делает его «типичным, а следовательно, и повторяющимся» [26, с. 22]. Именно поэтому миф служит «матрицей социального порядка и сводом примеров нравственного поведения» [12, с. 281], оказывается своего рода прописями, по которым учатся нравственности вступающие в жизнь поколения. Руководствуясь вышеперечисленными положениями, полагаем, что конститутивной характеристикой мифа выступает не спонтанность группового творчества и, как следствие, безликость его субъекта [20, с. 92], но *репрезентация* им значений и смыслов, принятых сознанием «на веру», не подверженных рефлексии и потому легко поддающихся «как продуцированию, так и усвоению» [18, с. 82].

Следовательно, мы вправе отнести к мифам те идеологемы, которые выполняли функцию *сакрализации* отдельных сторон повседневности и благодаря этому регламентировали и организовывали жизнь человека, предписывая ему правила социального поведения и систему ценностных ориентаций [15]. Повествования о Ленине относились, безусловно, к *таким* регуляторам жизнедеятельности советского общества, поскольку наделяли нормативные образцы *высшим авторитетом*.

Анализ исторического нарратива (газет и журналов, партийно-государственных документов, источников субъективного происхождения и пр.) обнаруживает, что ленинский миф начинает формироваться с момента смерти «вождя». Буквально на следующий день после кончины В. И. Ленина появляются лозунги МК РКП(б), содержащие ключевые, с точки зрения мифотворчества, тезисы: «Ленин — солнце грядущего», «Дело Ленина переживет столетия», «Умер Ленин, но дело его живет.

Оно — воля мирового рабочего класса к победе над старым миром порабощения», «Могила Ленина — колыбель свободы всего человечества» [9].

У истоков ленинского мифа стояли лидеры партии-государства, которые были не только высшими политическими функционерами режима, но и его главными идеологами. В обращении «К партии. Ко всем трудящимся» от 22 января 1924 г. они, описывая В. И. Ленина, емко и недвусмысленно сформулировали нормативные качества идеальной личности: «Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического — бесстрашный ум, железная, негибкая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, *ненависть до смерти к рабству* и угнетению, революционная *страсть*, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений, — все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера» (курсив наш. — С. Н.) [25]. Руководителям РКП(б) вторил Исполком Коминтерна: «Ленин был и навсегда останется *бессмертным* вождем пролетарской мировой революции» (курсив наш. — С. Н.) [25]. О бессмертии *духа* и *мысли* Ленина писал тогда же ЦК РКСМ.

Из текстов «вождей» РКП(б)-ВКП(б) вставала личность, являвшая собой *сплав* качеств, из коих некоторые были образцовыми для носителей культуры *традиционной*, а другие — культуры *модернити*. К первой группе отнесем, прежде всего, качество, которое мы могли бы назвать *миротречностью* (отказ от примирения с миром сущего и нацеленность на мир должного — возвышающийся «над здравым смыслом» и не имеющий, как безусловный и априорный, «каких-либо конвенциональных оснований» [28, с. 94]). Так, упоминание о присущем почившему вождю духе «самопожертвования, дерзания, ненависти к гнету» [23, с. 238] звучало для простых русских тружеников — носителей традиционной морали — как подтверждение принадлежности Ленина именно к миру нравственных высот. Для носителей же культуры модернити образ основателя большевизма становился этическим ориентиром вследствие обладания им такими качествами, как *инициативность*, *деловитость*, *организованность*, *дисциплинированность*, *целеустремленность*, *открытость новому* [23, с. 191, 193, 215, 239; 2, с. 387, 388].

Являя субъектам воспитания нравственный идеал в лице Ленина, вожди большевизма подчеркивали наличие у него *исключительных* качеств. Это были: «*необычайная сила убеждения*», «*сгусток энергии*»,

«гениальная прозорливость», *величайшее* мастерство «революционно-го руководства» (курсив наш. — С. Н.) [24, с. 531, 532, 533]. Потому-то, объясняли лидеры большевизма, «тщетно искать в предыдущей истории человечества такую фигуру, которую можно было бы примеривать к *исполнинскому росту* Владимира Ильича» (курсив наш. — С. Н.) [24, с. 246].

Характерно, что *надчеловечность* личности Ленина не отрицала его глубокой человечности. О его *любви к труженикам, простоте* писали все лидеры партии-государства, независимо от своей фракционной принадлежности (Н. И. Бухарин, Г. М. Кржижановский, Г. Е. Зиновьев и др.) [24, с. 193, 249, 552].

Полагаем, что *образ* основателя большевистской партии был не произвольно нарисованным портретом, но *репрезентацией* личности, являвшейся, по мнению его авторов, учителем и политическим стратегом для всякого, кто готов сражаться во имя мировой справедливости. То есть наследники скончавшегося лидера выступали авторами «Евангелий от большевизма», выпукло выделявшими, по правилам *агиографии*, черты Ленина, имевшие *дидактический* характер, отражавшие важные для новорожденной власти *смыслы* (самоотверженность в борьбе, верность социальному идеалу, ненависть к угнетению и пр.) [16]. Детище же Ленина — РКП(б) — оказывалось для субъектов воспитания хранителем его дела и учения. Благодаря такой «связке» подрастающим поколениям задавалась жизненная стратегия: цель жизни — приближение «светлого будущего», ради которого «жил, боролся и умер» великий Ленин и чьим коллективным воплощением является большевистская партия. Основатель большевизма, соответственно, становился центральным героем своего рода космогонического мифа — о творении «нового мира», в котором не будет места несправедливости.

Наиболее быстро этот миф (вместе со своим героем) проникал в детское сознание. Так, дошкольники и младшие школьники особенно остро и непосредственно восприняли кончину Ленина, которая сделалась центральной темой их разговоров и даже сюжетом для игр. В частности, игры воспитанников в «смерть Ильича» зафиксировали наставники в образовательных учреждениях Москвы уже в январе 1924 г. В своих размышлениях на тему кончины вождя детсадовцы, случалось, выражали веру в возможное его возвращение к жизни: «...мы придем на могилу Ленина, напоим его лекарствами и будем дуть, дуть и дуть на него и он станет живой и мы убежим... (во всех цитатах оригинальная пунктуация сохранена — С.Н.)» [5, с. 53].

В этих играх и высказываниях мы обнаруживаем фигуру, в силах которой если не воскреснуть, то по крайней мере обеспечить вечную жизнь своих идей. Понятно, что источниками такой веры в значительной мере были воспитатели и старшие товарищи дошкольников, чьи разговоры они воспроизводили. Однако представляется, в не меньшей степени вера в бессмертие Ленина обуславливалась тем, что дети вообще «не то чтобы *верят* в чудо; они не понимают разницы между чудом и не-чудом, не ощущают грани между ними» [7, с. 22]. Информация, полученная детьми от взрослых о выдающихся ленинских качествах, «встраивалась» в свойственное им «сказочное» сознание, в котором «вождь Октября» мало отличался от вымышленных фигур. Тем самым они перемещали Ленина «в фантазийное, сказочное, мифологическое пространство» [7, с. 22]. Вследствие этого дети выражали серьезное сомнение в самой возможности смерти такого человека. Потрясенная семилетняя девочка рассказывала: «Весь день и все время я ходила, как будто у меня кого из родных нет, и даже сейчас думаю, что это Ленин жив, что Ленин проснется и начнет речь говорить» [8, с. 44]. От детей, пораженных кончиной вождя, можно было услышать и такое: «Как бы я хотел умереть вместо Ленина» [8, с. 40]. Иные дети испытывали почти религиозные чувства. Автор сборника, вышедшего в 1925 г., сообщал, что восьмилетняя девочка пробыла у гроба Ленина с раннего утра до позднего вечера, а когда ей кто-то хотел дать булочку, она отмахнулась и сказала: «Сегодня не нужно есть». Красноармейцу же, стоявшему в почетном карауле и попросившему ее идти домой, она ответила: «Хоть убейте, — не уйду!» [8, с. 63]

Продуктом такого мировосприятия был, например, сон мальчика о воскресшем Ленине, очутившемся на крыше Дома Союзов перед собравшейся толпой скорбящих о нем людей [8, с. 68]. Аналогичного характера был и другой сон, рассказанный школьником: «Будто бы явилась фея, махнула палочкой и Ленин встал из гроба и совсем стал здоров. И сделали большое возвышение и стал на него Ленин. Собрался весь... весь мир и выстроился горочкой. А Ленин поднял красное знамя» [4, с. 12].

Конечно, можно предположить, что свидетельства из книги 1925 г., приведенные нами выше, были «литературно обработаны» ее автором-составителем. И потому его рассказы о беседах с детьми не являются полностью документальным текстом. Но даже допустив это, нельзя отделаться от ощущения, что при чтении издания буквально слышишь

детские голоса, бесхитростно описывающие свои чувства и передающие общественную атмосферу.

Ленинский миф активно транслировался подрастающим поколениям не только взрослыми людьми, но и детскими периодическими изданиями. Характерно, что первый номер журнала «Пионер», вышедший 15 марта 1924 г., был траурного характера и структурировался очерком «Красного Льва революции» (Л. Д. Троцкого) о Ленине. Образ основоположника большевизма занял важное место и на страницах журнала «Мурзилка», чье издание было возобновлено в том же году. По сути, в текстах, помещавшихся в этих изданиях, слово «Ленин» означало «справедливость», «мудрость», «нравственный образец». Так, в седьмом номере за 1924 г. был помещен рисунок, чьим сюжетом являлось шествие многочисленной колонны детей-демонстрантов, заявлявших своим транспарантом о верности «заветам Ильича». В этом номере публиковался также рассказ «Октябрята», в котором малыши, подражая пионерам, пели песню: «Смелее, ленинцы, вперед, / К коммуне лозунг нас зовет. / Пусть каждый исполняет / Заветы Ильича» [14, с. 5]. Несколькими страницами ниже помещался рассказ «Кнопка (Из воспоминаний девочки)», героиня которого беззаботно играла с Лениным в салки. Данный текст завершался следующей фразой: «И люди, что идут по улице, тоже злые, все, все злые, кроме Владимира Ильича. *Он только один добрый.* Один он может так смеяться, щурить глаза и играть с детьми» (курив наш. — С. Н.) [14, с. 12].

Подобные публикации были частью широкого потока литературных текстов, которые читали либо сами дети, либо их родители и воспитатели. Это были книги о Ленине-ребенке (З. И. Лилиной «Наш учитель Ленин» /1924 г./ и «Ленин маленький» /1929 г./; А. И. Ульяновой-Елизаровой «Детские и школьные годы Ильича» /1925 г./ и др.), книги-воспоминания старых большевиков о Ленине-борце. Наряду с ними оперативно издаются сборники, содержавшие материалы учебно-методического характера («Великий учитель. Ленинская хрестоматия», составленная З. И. Лилиной /1924 г./; книга для чтения «Час Ленина в школе» под редакцией В. Н. Шульгина и К. Т. Свердловой /1925 г./ и др.). Наконец, появляются художественные произведения, в которых Ленин преподносится детям как человек, с идеями которого связаны надежды *всего человечества* на счастье и справедливость. Например, в книжке Л. Зилова «Миллионный Ленин», увидевшей свет в 1926 г., рассказывалось о борьбе индийских трудящихся. В ней, по воле автора, над телами погибших

забастовщиков «какой-то нищий запел не о Будде и Бrame, а о ком-то гораздо выше» (то есть о Ленине. — С. Н.) [6, с. 8]. И далее писатель так живописует представление индийцев о «классовых боях в России»: «... стали рабочие люди безумно смелы и пошли войной на богатых. Отняли у них землю и заводы, отняли всю власть и все деньги и на восток и на юг несут свободу. И ведет их Ленин. *Он такой же как этот, как этот грузчик убитый, для него нет желтых и белых, а только голодный и сытый.* С Лениным полмиллиона, таких же, как он, смелых — в их руках свободы оборона, в их руках рабочее дело» (курсив наш. — С. Н.) [6, с. 8]. А когда, силою фантазии автора, индийские дети едут к Ленину и узнают о его смерти, то восклицают: «Смерть его, это — клич к сбору: смыкайте ряды, смыкайте по всему земному простору...» [6, с. 29] Завершается же книга поистине эпически. Автор описывает путешествие в Россию индийских детишек: «И чем дальше бежал их поезд, чем дальше слушали они пенье, они чуяли в пенье: „К бою! Не умер, не умер Ленин!“» [6, с. 29]. По мере своего приближения к Москве дети окончательно прозревают: «И сотни тысяч рабочих им открыли великое чудо страны льда и ночи: вот он кто, этот Ленин, — не труп, пронесенный в пагоду, под огни, засиявшие радугой. А люди, проходившие с пеньем!» [6, с. 34]

Впрочем, «детская Лениниана» была не единственным инструментом, обеспечивавшим перевод внешнего знания о сакральном в сознание подрастающих поколений. Приобщение детей к ленинскому мифу происходило также посредством их участия в новых *ритуалах*. Такая практика начинает складываться сразу же после ухода из жизни Ленина. Так, 23 мая 1924 г. 10 000 пионеров (их организация тремя неделями ранее получила ленинское имя) поклялись перед гробом вождя верности его заветам. Это действо совершалось в присутствии делегатов XIII съезда РКП(б), символизируя преемственность поколений революционных борцов. Характерно, что на том же месте шестью днями позже нарком просвещения А. В. Луначарский в присутствии 1 500 учителей произнес «профессиональную клятву» [27, с. 285]

Источники свидетельствуют, что ритуалы становились непременным атрибутом воспитательных практик советской эпохи. Они применялись для выполнения функции творения и актуализации *священного* [22, с. 48] — должного оставаться объектом *поклонения*, примером для *подражания*. Кроме того, ритуалы сберегали и закрепляли «мифологическую информацию» в «коллективном сознании социума путем

определенных техник воспроизведения», оказываясь «механизмом переживания и дальнейшего „пассивного“ воспроизводства традиции, ее репродукции путем копирования, повторения, заучивания смысловых элементов, блоков, фрагментов» [19, с. 74]

Наряду с ритуалами интериоризация ленинского мифа осуществлялась также посредством игр по революционной тематике. Такие игры вовлекали детей в пространство, в котором идеи Ленина помогают бороться и побеждать уже благодаря тому, что за ними и их автором стоит Правда (как высшее выражение нравственного, справедливого). В «революционной игре» передавались и закреплялись знания, отражавшие ленинское (то есть верное) отношение к действительности. Для детей специально разрабатывались сценарии подобных массовых игр. Например, в одной из книг, выпущенной в серии «Как работать в пионеротряде», содержались материалы игр «Подпольный сбор», «Ша! Бастую!», направленные на формирование у пионеров чувств и качеств участника «классовых битв» за «дело ленинизма» [3, с. 21–26].

Воспитательные практики второй половины 1920-х гг., строившиеся вокруг сакрализованного образа Ленина, подпитывались продуктами культуры, формировавшимися на уровне обыденного сознания. К числу последних относились сказки и легенды, стихи и песни «народов СССР» [17; 21]. Вполне возможно, что указанные феномены чаще всего были стилизацией, выполненной какими-то литераторами. Но даже в этом случае образ Ленина можно рассматривать как мифологический, поскольку для *массового читателя* он оказывался героем стихийного народного творчества. И свершения этого героя внушали и предписывали читавшему строго определенные социальные практики.

Что могли обнаружить субъекты воспитательного процесса в фольклорных (псевдофольклорных?) сборниках? Во-первых, что Ленин — это неутомимый труженик и пламенный *герой борьбы* за «народное счастье»: «Великий Ленин, Ленин, наш отец! / Ты, засучив по локоть рукава, / Шел впереди, как непреклонный жнец, / И враг упал, как сжатая трава!»; «Ветры бушуют, дожди поливают, но все разгорается свет. / Ленин смелее и ярче солнца! Для Ленина ночи нет!» [21, с. 3, 7]. Во-вторых, что Ленин — *заботлив и милостив* по отношению к каждому трудящемуся, *чудотворен* («Знаем мы — ты всех панов сильнее, / И для нас ты всех друзей роднее...»; «Он дает голодным корочку хлеба, / Даже волка может сделать человеком»; «В садах, где Ленин проходил, / Не вянут красные

цветы» [21, с. 9, 13, 21]. И, в-третьих, что Ленин *бессмертен*: «Ты умер, но дело твоё не умрет, — / Великий, прославленный, новый народ / Пошел от тебя — на свете»; «Могучая воля твоя жива, / Имя твоё — победа!»; «Ты для нас работал рук не кладучи, / Ума-разума большого не жалеючи, / Ты сгорел за нас костром-полымем. / Все, что думалось тобою, все исполнилось!» [21, с. 26, 27, 41]

В качестве кого же в конечном итоге воспринимался Ленин субъектами советского воспитания? В их глазах он приобрел, на наш взгляд, три основные ипостаси. Первая — это *демиург*, преобразивший социальную реальность и давший начало «новому миру». Его смерть — это всего лишь переход, трансформация человека в «бессмертное существо, в бессмертного гения, благодетеля человечества» [11, с. 19]. Вторая — это *безошибочный кормчий*, проложивший дорогу в светлое будущее всему человечеству. Третья — это *мученик*, не жалевший себя во имя осуществления идеала свободы и справедливости.

Ленинский миф оформился, как показывает анализ источников, в 1924–1929 гг. Уже тогда он становится для субъектов воспитания ценностно-смысловым ориентиром при моделировании ими окружающего мира, основой для самоидентификации. А в 1930-е гг. данный миф развивается, включая в себя образ «лучшего ученика Ленина» — И. В. Сталина. Несмотря на идеологические корректировки ленинского мифа в последующие десятилетия существования СССР, он сохранял роль конструкта, репрезентирующего значения и смыслы, принимавшиеся педагогическим сознанием «на веру».

Заключение

Резюмируем сказанное. Первое. Ленинский миф предъявлял субъектам воспитания не только персонифицированный *нравственный идеал*, но и социально одобряемую *жизненную стратегию* (борьба за счастье трудящихся), придавая «идеологически верным» мотивам жизнедеятельности (революция, социальная справедливость и др.) статус *абсолютных*. Второе. Этот миф выполнял в воспитании прежде всего следующие функции: а) *конструирования* в сознании подрастающих поколений «идеальной» социальной системы, б) культурной *идентификации* детей и молодежи (через оппозицию «свои — чужие», читаемую как «ленинцы» и «антиленинцы»), в) *социально-мобилизационную* (генерирования и направления энергии воспитанников на достижение

целей социальной системы). Третье. Ленинский миф создавался иерархами правящего режима в интересах идеологического и кадрового обеспечения реализации «генеральной линии партии». При этом они конструировали его не только на основе своих воспоминаний, «корректируемых» прагматическими политико-идеологическими соображениями, но и опираясь на *народное мифологическое сознание*. В последнем содержалась вера в особую харизму человека власти — лидера, который, выступая как отец для своей общности, задает ей систему жизненных ориентиров, является источником силы и нравственным образцом. Четвертое. Хронологические рамки генезиса ленинского мифа задаются двумя важными политическими событиями: кончиной основателя партии-государства и утверждением у власти нового безусловного вождя (И. В. Сталина), приобретающего ранг единственного истинного наследника и продолжателя дела героя мифа.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
2. Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. 499 с.
3. Девятая международная детская неделя. М.: Молодая гвардия, 1929. 64 с.
4. Дети о Ленине / под ред. Н. Сац; 4-я опытная школа МОНО имени Л. Б. Каменева. М.: Новая Москва, 1925. 31, [5] с.
5. Дети дошкольники о Ленине (репр., госиздат 1924 г.). СПб.: Красный матрос, 2007. 82 с.
6. Зилов Л. Миллионный Ленин. М.: Гос. изд-во. 1926. 35 с.
7. Королев С. А. Бессмертие властителя. Ленин как герой (псевдо)народного мифа // Филология: научные исследования. 2012. № 4 (08). С. 18–27.
8. Лин И. Ленин и дети. М.: Молодая гвардия, 1925. 124 с.
9. Лозунги МК // Рабочая Москва: орган МК РКП(б), Моссовета Р., С. И Кр. Д. и Московского совета профсоюзов. 22 января 1924. Экстренный выпуск.
10. Лосев А. Ф. Миф, число, сущность. М.: Мысль, 1994. 920 с.
11. Луначарский А. В. Ленин (Речь, произнесенная в день похорон на общем собрании работников искусств г. Москвы). Л.: Государственное издательство, 1924. 32 с.
12. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.
13. Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
14. Мурзилка: журнал для детей младшего возраста. 1924. № 7.
15. Неклюдов С. Ю. Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17–38.
16. Новиков С. Г. «Я себя под Лениным чищу...»: советские вожди 1920-х годов об идеале воспитания // Историко-педагогический журнал. 2017. № 1. С. 187–195.
17. Пясковский А. В. Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. Л.: Молодая гвардия, 1930. 96 с.
18. Савелова Е. В. Миф и социальная реальность: социально-коммуникативная парадигма интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 81–83.
19. Савелова Е. В. Миф, ритуал и игра в коммуникативном пространстве культуры // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2013. Т. 2, № 1 (13). С. 67–75.
20. Соколов А. В. Современные мифы и логический закон тождества (против расширительного понимания мифа) // Ценности и смыслы. 2014. № 5 (33). С. 92–99.

21. Стихи и песни народов СССР о Ленине и Сталине. М.; Л.: Изд-во детской литературы ЦК ВЛКСМ, 1938. 95 с.
22. *Топоров В. Н.* О ритуале: введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках: сб. ст. М.: Наука, 1988. С. 7–60.
23. *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
24. У великой могилы. М.: Изд. газеты «Красная звезда», 1924. 642 с.
25. Экстренный выпуск газет «Правда» и «Известия». 23 января 1924.
26. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М.; Киев: Рефл-бук, Ваклер, 1996. 228 с.
27. *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, Президентский фонд Б. Н. Ельцина, 2011. 438 с.
28. *Яковенко И. Г.* Познание России: цивилизационный анализ. М.: Знание, 2017. 642 с.

GENESIS OF THE “LENIN’S MYTH” IN RUSSIAN UPBRINGING

The purpose of the article: reconstructing the process of the emergence of the “Lenin’s myth” to determine the functions that it performed in Soviet upbringing. Research methodology: concepts that consider the essence of myth as a cultural phenomenon, its relationship with ritual and game; sociocultural approach to the analysis of past education. Results: The “Lenin’s myth” presented to subjects a personalized moral ideal and a socially approved life strategy (the struggle for the happiness of workers), giving absolute status to “ideologically correct” motives of life (revolution, social justice, etc.). This myth carried out the functions in process upbringing: constructing in the minds of the rising generations a “ideal” social system; cultural identification of children and youth (through the opposition “friends and foes”, read as “Leninists” and “anti-Leninists”); generating and directing the efforts of pupils to achieve the goals of the social system. The “Lenin’s myth” was created by the hierarchs of the ruling regime in the interests of ideological and personnel support for the implementation of the “general line of the party.” This myth was constructed not only on the basis of Bolshevik leaders’ memories, “corrected” by pragmatic political and ideological considerations, but also based on the mythological folk consciousness. This consciousness contained faith in the special charisma of a man of power — a leader who, acting as a father for his community, sets it a system of life guidelines, is a source of strength and a moral pattern. The chronological framework of the genesis of the “Lenin’s myth” is set by two important political events: the demise of the founder of the party-state and the assertion of a new unconditional leader (I. V. Stalin), who acquired the rank of true heir and successor of the hero of the myth.

Keywords: myth, ideal, upbringing, personality traits, ritual, traditional culture, culture of modernity.

References

- *Bart R.* Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika. M.: Progress, 1989. 615 s. [In Rus].
- *Bukharin N. I.* Izbrannyye proizvedeniya. M.: Politizdat, 1988. 499 s. [In Rus].
- *Devyataya mezhdunarodnaya detskaya nedelya.* M.: Molodaya gvardiya, 1929. 64 s. [In Rus].
- *Deti o Lenine / pod red. N. Sats;* 4-ya opytная shkola MONO imeni L. B. Kameneva. M.: Novaya Moskva, 1925. 31, [5] s. [In Rus].
- *Deti doskol’niki o Lenine* (repr., gosizdat 1924 g.). SPb.: Krasnyy matros, 2007. 82 s. [In Rus].
- *Ekstrennyy vypusk gazet «Pravda» i «Izvestiya».* 23 yanvarya 1924. [In Rus].
- *Eliade M.* Mify, snovideniya, misterii. M.; Kiyev: Refl-buk, Vakler, 1996. 228 s. [In Rus].
- *Ennker B.* Formirovaniye kul’ta Lenina v Sovetskom Soyuze. M.: ROSSPEN, Prezidentskiy fond B. N. Yel’tsina, 2011. 438 s. [In Rus].
- *Korolov S. A.* Bessmertiyе vlastitelya. Lenin kak geroy (psevdo)narodnogo mifa // Filologiya: nauchnyye issledovaniya. 2012. № 4 (08). S. 18–27. [In Rus].

- *Lin I.* Lenin i deti. M.: Molodaya gvardiya, 1925. 124 s. [In Rus].
- *Losev A. F.* Mif, chislo, sushchnost'. M.: Mysl', 1994. 920 s. [In Rus].
- *Lozungi MK* // Rabochaya Moskva: organ MK RKP(b), Mossovet R., S. i Kr. D. i Moskovskogo soveta profsoyuzov. 22 yanvarya 1924. Ekstrennyy vypusk. [In Rus].
- *Lunacharskiy A. V.* Lenin (Rech', proiznesonnaya v den' pokhoron na obshchem sobranii rabotnikov iskusstv g. Moskvyy). L.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1924. 32 s. [In Rus].
- *Malinovskiy B.* Magiya, nauka i religiya. M.: Refl-buk, 1998. 304 s. [In Rus].
- *Mamardashvili M.* Moy opyt netipichen. SPb.: Azbuka, 2000. 400 s. [In Rus].
- *Murzilka: zhurnal dlya detey mladshogo vozrasta.* 1924. № 7. [In Rus].
- *Neklyudov S. Yu.* Struktura i funktsii mifa // Mify i mifologiya v sovremennoy Rossii // pod red. K. Aymermakhera, F. Bomsdorfa, G. Bordyugova. M.: AIRO-XX, 2000. S. 17–38. [In Rus].
- *Novikov S. G.* «Ya sebya pod Leninym chishchu...»: sovetskiye vozhd'i 1920-kh godov ob ideale vospitaniya // Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal. 2017. № 1. S. 187–195. [In Rus].
- *Pyaskovskiy A. V.* Lenin v russkoy narodnoy skazke i vostochnoy legende. L.: Molodaya gvardiya, 1930. 96 s. [In Rus].
- *Savelova Ye. V.* Mif i sotsial'naya real'nost': sotsial'no-kommunikativnaya paradigma interpretatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 321. S. 81–83. [In Rus].
- *Savelova Ye. V.* Mif, ritual i igra v kommunikativnom prostranstve kul'tury // Uchenyye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2013. T. 2, № 1 (13). S. 67–75. [In Rus].
- *Sokolov A. V.* Sovremennyye mify i logicheskiy zakon tozhdestva (protiv rasshiritel'nogo ponimaniya mifa) // Tsennosti i smysly. 2014. № 5 (33). S. 92–99. [In Rus].
- *Stikhi i pesni narodov SSSR o Lenine i Staline.* M.; L.: Izd-vo detskoy literatury TSK VLKSM, 1938. 95 s. [In Rus].
- *Toporov V. N.* O rituale: vvedeniye v problematiku // Arkhaicheskiy ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh: sb. st. M.: Nauka, 1988. S. 7–60. [In Rus].
- *Trotskiy L. D.* K istorii russkoy revolyutsii. M.: Politizdat, 1990. 447 s. [In Rus].
- *U velikoy mogily.* M.: Izd. gazety «Krasnaya zvezda», 1924. 642 s. [In Rus].
- *Yakovenko I. G.* Poznaniye Rossii: tsivilizatsionnyy analiz. M.: Znaniye, 2017. 642 s. [In Rus].
- *Zilov L.* Millionnyy Lenin. M.: Gos. izd-vo. 1926. 35 s. [In Rus].